

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-17-28

ЭТНИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ТАТАРСТАНА: ОТ «ПАРАДА СУВЕРЕНИТЕТОВ» К ПРАГМАТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ

Л. В. Сагитова

Сагитова Лилия Варисовна, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований,

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия.

E-mail: liliya_sagitova@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1022-6375. ResearcherID: AAA-9915-2019).

Аннотация

Рассматривается динамика институционализации и интерпретации этничности в политике идентичности Республики Татарстан в течение последних 30 лет ее постсоветского развития. Анализ включает диахронное исследование факторов актуализации этничности в различающиеся периоды новейшей российской истории: дезинтеграционного (начало 1990-х гг.) и центростремительного (с 2000-х гг. по настоящее время). Новый ракурс исследования связан с изучением факторов, детерминирующих изменение функциональной составляющей этничности в этнокультурных и этнополитических процессах в рамках российской республики в контексте общегосударственных векторов развития. Фокус на инерционную и динамическую составляющие феномена позволяет рассмотреть их диалектическое взаимодействие, а также его пластичность и ситуативность в контексте динамики политического процесса в современной России. Используемый автором полипарадигмальный подход позволяет выявить основания этноидентификационных процессов в поле политики Татарстана. В ходе анализа раскрывается роль региональной политической и «символьной» элит в контексте динамики политического процесса. Практическая значимость подобного анализа обусловлена важностью учета этнического фактора в условиях политической турбулентности, обусловленной внешними вызовами последних лет.

Ключевые слова: этничность; политика идентичности; политизация этничности; институционализация этничности; политическая элита; «символьная элита»; Республика Татарстан.

Этничность в поле политики: отечественный дискурс

Осмысление места и роли этничности в политике идентичности российских республик началось в период активной регионализации и «парада суверенитетов» с 1990-х гг. (Ачкасов, 2005; Борисова, 2013; Мелешкина, 1999; Дробижева, 1994, 2013; Тишков 1995; 2019; Фадеева, 2011). Исследования в российском обществоведении за последние 30 лет характеризуются дрейфом от статистической интерпретации этничности (ее институционализация в контексте советской национальной политики с негативной коннотацией национализма) к пониманию сложности и неоднозначности феномена. Радикальный разворот к конструктивистскому и инструменталистскому толкованию этничности под влиянием западных концепций (Anderson, 1983; Brubaker, 1996; Соппог, 1994; Ethnic Groups..., 1982; Hobsbawm, 1990) в 1990–2000 гг. в ходе отечественных эмпирических исследований (Малахов, 1998; Тишков, 1997, 2003) стал смягчаться полипарадигмальным подходом, претендующим на создание синтезной теории этничности (Дробижева, 2020). Этот поворот размыл эксклюзивизм роли элит в качестве основного субъекта этнополитических и этнокультурных процессов, показав значимость этнических сообществ, укоренившихся представлений людей, исторического и культурного бэкграунда в социальных процессах, связанных с этничностью.

Центральная категория этноидентификационных процессов также претерпела смену интерпретаций: жесткая коннотация «этнического самосознания» (Бромлей, 1987) была преодолена понятием этнической идентичности в конструктивистском ключе. Эссенциалистскому пониманию этнической идентичности с опорой на почву или культуру, постоянство, исторически непрерывную и стабильную связь с группой было противопоставлено ее оппозиционное понимание в качестве

«социального конструкта», формируемого субъектами – акторами социальной инженерии: различными группами элит, действующими в определенных социально-политических контекстах. Так, лидер конструктивистского подхода В. А. Тишков рассматривал ее как «процесс социального конституирования “воображаемых общностей”, основанных на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями» (Тишков, 1997: 30; 2003). Однако в данной интерпретации императив веры имеет ограниченный аналитический потенциал для объяснения социальных детерминант идентификационных процессов. Многочисленные эмпирические исследования региональной идентичности социологов и политологов показали значимость эссенциалистских интерпретаций (Дробижева, 2002, Крылов, 2010; Назукина, 2009), что подвело к выводу о том, что в реальности трудно обнаружить как конструируемую идентичность без опоры на «самость», так и «чистую» идентичность, без элементов и механизмов конструирования (Фадеева, 2016: 166). Выходом можно назвать полипарадигмальный концептуальный подход, предложенный Л. М. Дробижевой (Дробижева, 2002: 215). Он позволяет преодолеть ограничения каждого из подходов, поскольку вводит в рамку анализа как сам процесс конструирования, так и глубинные инерционные механизмы, реифицирующие этничность на личностном и групповом уровнях, а также мотивационные детерминанты социальной активности ее носителей (Дробижева, 2017: 417–418)¹.

Исследование влияния этничности на идентификационные процессы на индивидуальном и групповом уровнях, в сопряженности с политическими процессами и деятельностью различных групп акторов, содержит потенциал для выявления механизмов влияния ценностных ориентаций на эволюцию социальных и, в частности, политических институтов (Семененко, 2011: 8), которые, в свою очередь, способствуют реификации «продуктов» социального конструирования (Бергер, Лукман, 1995).

Этничность, будучи значимым фактором нациестроительства в поликультурных государствах, становится одним из влиятельных аспектов государственной и региональной политики идентичности. В отечественном общественном знании субъектами политики идентичности являются политические или территориальные образования, такие как государство, субъекты Федерации, регионы. В фокусе их деятельности – гражданская, региональная, этническая идентичности (Пантин, 2011; Семененко и др., 2017; Перегудов, 2017). В исследовании нашего случая целесообразным представляется использование определения, данного И. С. Семененко, которая под политикой идентичности понимает «деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему». Автор акцентирует роль государства как ключевого актора политики идентичности, поскольку оно располагает ресурсами (институты социализации: система образования, воинская служба) и инструментами публичной политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия (Семененко, 2017: 647–648.).

Независимо от социально-политической конъюнктуры тех или иных периодов общественного развития целью политики идентичности является «деятельность по формированию идентичности (своего сообщества или того, кто является объектом соответствующей политики) и продвижению отражающих разные идентичности ценностей, интересов и приоритетов в политическую повестку дня» (Семененко, 2017: 651–652). В ее формировании и реализации в качестве активных субъектов действуют различные группы элит: политическая элита, представители экспертных структур, «символьная элита», в число которой входят: научная гуманитарная и художественная интеллигенция, представители масс-медиа, известные в мировом масштабе личности (Сагитова, 1998: 42). Политика идентичности является как производным идентификационных процессов на разных уровнях общественного бытия (глобальный, национальный, региональный, групповой, личностный),

¹ Исследовательница определяет этническую идентичность ключевым элементом субъективной реальности, который поддерживается благодаря механизмам социального конструирования. Она подчеркивает роль агентов-кодификаторов в функционировании этнической идентичности: последняя функционирует ввиду существования в обществе этнических категорий и классификаций, которые усваиваются человеком в процессе социализации. Этническая идентичность – это не только осознание принадлежности к этнической группе, но и эмоционально окрашенный образ «Мы», и этнические интересы, в соответствии с которыми осуществляется деятельность (см.: Дробижева, 2017: 417–418).

так и инструментом реализации интересов, основанных на субъективном понимании концептов «Я» и «Мы». Именно эти несовпадающие представления и знания о мире, по словам П. Бурдые, стимулируют стремление субъектов произвести или навязать представления о социальном мире с целью воздействия на него (Бурдые, 2003), что выражается в политическом действии (Миненков, 2005).

Всплеск национализмов в начале 1990-х гг. стимулировал исследовательский интерес как к содержанию политики идентичности в российских регионах и российских республиках, так и к механизмам и ресурсам, используемым региональными политическими акторами для ее реализации на местах (Мухарьямов, 2000; Назукина 2009; Цумарова, 2014). Именно в этот период политическая практика продемонстрировала множество примеров использования этнического фактора в выстраивании региональной идентичности, в стратегиях мобилизации этнонациональной и этноконфессиональной идентичности региональными элитами (Авксентьев и др., 2020; Центр и региональные, 2003). При этом опыт многолетних исследований роли этнического фактора в постсоветских республиках РФ Л. М. Дробижевой и ее региональных исследовательских команд позволил сделать вывод об ограниченности влияния элит в качестве социальных конструкторов: «Не все идеологемы, идеи, задаваемые институтом государственной власти, политической, интеллектуальной (художественно-творческой, научной) элитами, становятся представлениями людей» (Дробижева, 2002: 215). Апеллируя к мнению теоретика конструктивистского подхода Э. Хобсбаума, исследовательница подчеркивает диалектическую взаимосвязь в коммуникации «субъект – объект – субъект»: «изобретение традиции» бывает успешным тогда, когда трансляция послания элит происходит на той «частоте, на которую настроены массы» (Дробижева, 2002: 215). Данное обстоятельство стимулировало соединить социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности. Возросшая в тот период значимость субъективного фактора, эмоциональных категорий, ценностей и символов этнического самосознания в поле политики привлекла внимание исследователей к социокультурным основаниям политического процесса (Ценности и символы, 1994; Национальное самосознание, 1994). Произошедший вслед за этим разворот политической науки к категории идентичности И. С. Семеновко объясняет необходимостью концептуализации синтеза ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных оснований политического действия на социальном, групповом и индивидуальном уровнях (Семеновко, 2011: 8).

Диалектичность этноидентификационных процессов в поле политики связана с действием различных социальных институтов. И когда мы говорим об этом в конструктивистском ключе, неизбежно возникает вопрос о первоисточнике этничности: институты формируют (конструируют и закрепляют) этничность или реифицированная этничность требует институционального оформления? Так, М. В. Назукина на основе эмпирических исследований делает вывод о том, что институционализация этничности в политике идентичности российских республик – это процесс, посредством которого дискурс этничности приобретает ценность и устойчивость в рамках политического курса, направленного на формирование, поддержание региональных порядков и публичное признание этнической идентичности как важного фактора структурирования общественных отношений (Назукина, 2020: 84). В данном контексте институционализация этничности в региональной политике идентичности мыслится в качестве продукта новейшей истории России в инструменталистско-конструктивистском понимании. Однако ретроспективный анализ и учет инерционности советской национальной политики, реифицировавшей этничность¹, позволяет рассмотреть процесс институционализации этничности в российских республиках под иным углом. У республиканских групп элит, формирующих и реализующих региональную политику идентичности, уже сформирована этноориентированная «оптика»: это и «сетка» видения мира, это и легитимный инструмент, позволяющий соединить интересы территории и ее различных групп: элит (властной, экономической, культурной); этнокультурных общностей, проживающих на территории региона и в целом регионального сообщества. Субъектно-объектное взаимодействие названных социальных акторов, обладание общими согласованными представлениями, когнитивными схемами, значимым «фоновым знанием» являются неотъемлемыми компонентами и условиями процесса успешной институционализации социальных феноменов и практик (Панов, 2011: 63). Сложный и многосоставной процесс институционализации этничности как социального феномена, связанного с культурой и ценностями, задействует нормативный, нарративно-мифологический и символический

¹ Однако и в этом случае легковесно говорить о чистом конструировании этничности советской властью. Исследования историков свидетельствуют о сильных низовых «национальных» движениях, на которые ориентировались большевики в борьбе за власть (см.: Красовицкая, 2012).

уровни (Назукина, 2020: 84), где действуют такие инструменты и механизмы политики идентичности, как символическая политика, политика памяти и ценностно-политические проекты формирования идентичности (Малинова, 2017; Поцелуев, 1999; Пушкарева, 2017).

В структуре этнической идентичности одно из ключевых мест занимает категория языка этнической / национальной общности. В поле политики язык является одним из ключевых атрибутов формирования нации (Б. Андерсон, Э. Геллнер); формирует фреймы и коды идентичности национальных сообществ и этнических групп (Р. Брубейкер); выполняет коммуникативную функцию (К. Дойч); является инструментом социальной мобильности граждан государства (Э. Геллнер); выступает символом идентичности (Мухарямов, 2017).

Таким образом, этничность, проявляя себя в инерционном и динамическом качествах в политике идентичности российских республик, имеет потенциал к модуляции в зависимости от региональной и общенациональной социально-политической конъюнктуры. Рассмотрим в данном контексте случай Республики Татарстан.

Этничность в политике идентичности Татарстана: от культуры к политике

В исследовании модуляции этничности в республиканской политике можно оттолкнуться от формата ее легитимности в советский период. Фрейм определяли территориально-административные границы, пятая графа в паспорте, национальные институции и официальный порядок обращения с этничностью. В русле национальной парадигмы того периода этничность задавалась в формуле «социалистический по форме – национальный по содержанию», что придавало значимость культурной составляющей (в ее этнографической интерпретации). Это выражалось в государственной поддержке культуры и искусства татар с соответствующими институциями и «декадами / днями татарской культуры» в Москве в качестве статусной госприемки достижений на уровне национальной культуры. Советское табу на проявление этничности в поле политики нарушалось в ТАССР несколько раз, когда национальная интеллигенция в периоды принятия Конституций 1936 и 1977 гг. выходила с предложениями к республиканскому и центральному руководству о повышении статуса республики до союзной, поскольку статус автономии «тормозил развитие республики» и не позволял в полном объеме развивать национальную культуру и язык (Галлямова, 2015: 393).

Сопряженность этничности с политикой и экономикой в начале 1990-х гг. читалась в том, что при обсуждении проблем национального (этнического) возрождения проблема статуса Татарстана занимала одно из важнейших мест. «Основной круг вопросов сосредотачивался вокруг неравенства прав и возможностей союзных и автономных республик (неравное представительство в Совете национальностей Верховного Совета СССР депутатов от союзных и автономных республик; противоречивость принципов образования РСФСР; фактическая номинальность ее федеративности при отсутствии Совета национальностей, представляющего интересы субъектов Федерации; несогласованность Конституции РСФСР, в которой автономная республика признается социалистическим государством, и Конституция СССР, где государством признаются лишь союзные республики; различия в принципах формирования бюджетов; худшие условия для культурного развития народов автономий» (Исхаков, 1992:11).

Кризис советской системы, приведший к тотальной общественной трансформации, обнажил социально-экономические и этнокультурные проблемы на уровне национальных республик. Актуализация этнических границ и маркеров в поле политики Татарстана в анализируемый период связывается с действием как объективных, так и субъективных факторов. Первые обусловлены следствием: а) советской централизации и плановой экономики, приведшим к социально-экономическому неравенству по осям «центр – регионы»; «союзные республики – автономные республики»; б) асимметрии между национальными культурами этнического большинства и этнических меньшинств. Наряду с этим стимулирующее влияние оказывала общая политическая конъюнктура постсоветского десятилетия, связанная с трендами регионализации и актуализации этничности.

В Татарстане этничность проявляла себя в двух ипостасях. Первая увязывалась с территорией – Татарской автономной социалистической республикой и комплексом ее социально-экономических проблем. Вторая – непосредственно с языком и культурой «титольной нации» – татар. Таким образом, комплекс накопившихся и требующих разрешения проблем вывел этничность в поле политики в качестве легитимного маркера территории и этнической группы. Притязания региональной власти на больший объем полномочий в экономической, социальной и этнокультурной сферах поддерживались всем населением республики, поскольку разница в обеспечении Москвы,

столиц союзных республик и Казани была значительной. При этом социально-экономический потенциал республики был равен потенциалу трех прибалтийских республик. Имело значение и распределение республиканской собственности. Так, до начала перестройки 80 % промышленных предприятий, расположенных на территории ТАССР, управлялись союзными органами, 18 % – российскими, и только двумя процентами предприятий управляла сама республика (Фарукшин, 1994: 69). Для татарской части населения республики этничность воспринималась не только как основание культурной идентичности, духовности народа, но и в качестве маркера достоинства культурного меньшинства, которое подкреплялось в символическом и политическом пространствах повышением статуса республики.

Институционализация этничности в начале 1990-х гг. реализовывалась посредством символической и языковой политики, а также политики памяти. Так, в канонах Э. Хобсбаума были созданы национальный гимн, герб и флаг Республики Татарстан. Политика памяти формировала дискурс о былой и утерянной государственности татар; наследии Золотой Орды, которое пересматривалось уже не в имперской негативной коннотации «варваров, диких завоевателей Руси», а в контексте ее значимости в формировании российского государства и вклада в мировое культурное наследие. Институционализация Дня памяти погибшим защитникам г. Казани в 1552 г. была направлена на закрепление памятной даты из истории татар и наряду с этим уравнивала в символическом пространстве семантический посыл памятника «Павшим русским воинам при взятии Казани в 1552 г.».

Эмоционально заряженный языковой вопрос в начале 1990-х гг. формировал конфликтный потенциал этничности, поскольку, как отмечала Л. М. Дробижева, самое весомое обоснование этнической идентичности дается через значимость языка для культуры народа; отсюда – требования конституирования государственного национального языка, без которого невозможно развивать высокую (по Геллнеру) культуру (Дробижева, 2002: 224). Результатом языковой политики явилось принятие в 1992 г. Закона о государственных языках в РТ с государственными программами по сохранению и развитию татарского языка, введение татарского языка в качестве обязательного в программы среднего школьного, среднего специального и высшего образования. Значимость этничности в политической и этнокультурной сферах стимулировала ее институционализацию в структуре органов власти как на республиканском, так и на муниципальном уровне (Панов, 2021: 191–192).

Две идеологические составляющие политики идентичности Татарстана в 1990-е гг. – социально-экономическое и этнокультурное неравенство региона в сравнении с союзными республиками СССР – формировали базу электоральной поддержки властной элиты. Названные виды неравенства воспринимались как перекося в политике центра, практическим исходом которого являлся дефицит ее полномочий в решении нужд региона. Соответственно, легитимность региональной элиты для местного населения определялась ее ресурсами и полномочиями для решения названных проблем. Так, по результатам опроса «НИК» (1994)¹, 43 % татар понимали экономические аспекты суверенитета как необходимое условие для возрождения народа, его культуры и языка. Для русских этнокультурный аспект не был существенен – 19 %. Обе этнические группы связывали повышение статуса республики с реализацией социально-экономических интересов: рачительное использование ресурсов, развитие экономики и, как следствие, повышение благосостояния граждан республики. Республиканские исследования «НИК» и «СЭН»² (1999) устойчиво фиксировали объединяющее представителей обеих общин доминирование региональных интересов: в 1999 г. 50 % татар и 45 % русских заявляли о том, что землей и природными ресурсами Татарстана должна распоряжаться только республика (в 1994 г. – 62 % татар и 40 % русских). Этот тренд сохранился и после децентрализации в результате реформ В. В. Путина в начале 2000-х гг. Так, 60 % татар и 31 % русских в Татарстане высказывались за то, чтобы землей и природными ресурсами распоряжалась республика или они были бы в совместном распоряжении с федеральным центром (39 % татар, 27 % русских). При этом региональная идентичность не конфликтовала с общероссийской: 80 % татар и 85 % русских считали, что для Татарстана лучше развиваться в составе России (Дробижева, 2002: 224).

¹ Проект «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» («НИК» – 1994 г.; рук. Л. М. Дробижева).

² Республиканское социологическое исследование «Социально-экономическое самочувствие населения РТ» («СЭН» – 1999 год, рук. Г. А. Исаев).

Интерпретация этничности в сменившейся политической конъюнктуре

Изменение социально-политической конъюнктуры в связи с новой политикой федерального центра в 2000-е гг. усилило центростремительные тенденции. Эффект маятника выразился в политике «собираания земель», укреплении вертикали власти, в формировании общероссийской идентичности. Политическая элита республики в этих условиях уходит от акцентирования этнического фактора, переводя его с роли ведущего на роль дополняющего специфику региона. В политике идентичности и дискурсивном поле, связанном с этничностью, татарская идентичность не противопоставляется, а органично встраивается в общероссийский общенациональный контекст. Среди задающих новый вектор событий можно назвать международный проект «Великий Волжский путь» 2001–2005 гг., а также празднование 1000-летия Казани в 2005 г. Сам по себе этот переход можно интерпретировать как некую модель, сочетающую в политике идентичности Татарстана общероссийскую (общенациональную) и этническую составляющие. В целом идеология каждого из проектов выстраивалась в интегративном ключе. Концепция «Великого Волжского пути» основывалась на идее объединения им культур и народов России, с выходом на расположенные в его географии зарубежные города. Дискурс подготовки второго события, получившего старт в 2000 г., был также выстроен в интегративном ключе. В республиканских СМИ отмечалось, что Федеральная программа празднования 1000-летия г. Казани была принята на уровне руководства России, а ее реализация – под патронажем президента РФ В. В. Путина. Значимость событию придавало учреждение главой государства специальной Юбилейной медали 1000-летия Казани, что интерпретировалось как «свидетельство всероссийского признания исторической даты возникновения уникального центра болгаро-татарско-русского зодчества и второго, после Стамбула, мирового перекрестка восточной и западной культур»¹.

Новый тренд получил выражение и в символической политике: в рамках празднования 1000-летия Казани интеграционную составляющую было призвано подчеркнуть открытие филиала Государственного Эрмитажа на территории Кремля. При поддержке правительства Санкт-Петербурга и Москвы были реконструированы и оформлены две из центральных улиц, получивших соответственно новые имена: Петербургская и Московская. Символом единения с Россией стала многоэтажная главная сцена-конструкция в форме шапки Мономаха для проведения торжественных церемоний и массового концерта звезд эстрады.

Роль «символьной» элиты в новом политическом векторе отводилась формированию этнокультурной специфики региона. Этническая составляющая этого события была заложена в ассоциации Казани с бывшей столицей Казанского ханства и как этнического ядра для всех современных татар. Символика празднования, герб Казани содержали изобразительные элементы и символы татарской истории и татарского национального искусства. К празднованию 1000-летия было приурочено проведение Съезда Всемирного конгресса татар, а также открытие в Кремле мечети Кул-Шариф, названной в честь просветителя и философа, организатора защиты Казани в 1552 г. При этом паритетность ислама и православия в Татарстане была призвана продемонстрировать церемония возвращения в Казань иконы Казанской Божьей Матери.

Дрейф этнического фактора на периферию идентификационной повестки региона начиная с 2000-х гг. компенсируется актуализацией исламской составляющей в политике идентичности Татарстана. При этом ислам интерпретируется в качестве неотъемлемой составляющей цивилизационного развития России. Так, на исламском форуме «Значение диалога между религиями», состоявшемся в ноябре 2022 г. в Бахрейне, раис Татарстана Р. Н. Минниханов акцентировал значимость «татарстанской модели гармоничного совместного проживания и взаимодействия народов и религий» в качестве образца «разумного цивилизационного подхода в вопросах национальной безопасности и Стратегии дальнейшего развития Российской Федерации». В своем выступлении он также подчеркнул, что «ислам в России – органичная и неотъемлемая составляющая российской цивилизации. О чем свидетельствует федеральный масштаб празднования 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией, решение о праздновании которого принял президент России Владимир Путин»².

¹ Казань тысячелетняя (2005) [Электронный ресурс], *Тюрко-татарский мир*, 24 апр. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/kazan/6/2/> (дата обращения: 25.04.2015).

² Минниханов: татарстанская модель взаимодействия народов – образец разумного подхода в вопросах нацбезопасности (2022) [Электронный ресурс], *Реальное время* 3 нояб. URL: <https://realnoevremya.ru/news/264857-rustam-minnihanov-vystupil-na-bahreynskom-forume> (дата обращения: 03.11.2022).

Накопленный республикой в ходе налаживания связей со странами Востока символический капитал становится все более и более востребован в конъюнктуре последних сложных для России лет. Именно Татарстан и его политические и духовные лидеры (в лице ДУМ РТ в тесной коммуникации с ДУМ РФ) выполняют роль легитимного посредника в формировании прежде всего экономических связей со странами исламского Востока в противовес санкциям «коллективного Запада». Свидетельством может послужить история проведения ежегодного форума KazanSummit (с 2010 г.), который с 2022 г. получил федеральный статус саммита «Россия – исламский мир: KazanForum».

Собственно, проведение названных масштабных мероприятий можно интерпретировать как пример нового менеджмента территории, который помимо весомой экономической составляющей выработал формулу сочетания интегративной идеи с этнорегиональным содержанием. Этот принцип становится основанием для формирования инвестиционной базы региона и поиска новых ресурсов для его экономического и социокультурного развития, в том числе туристического бизнеса¹.

* * *

Представленный в статье пример флуктуации этничности в контексте общественно-политической конъюнктуры на примере Республики Татарстан демонстрирует сложность и пластичность этого феномена. Диалектическая сопряженность его эссенциалистского и конструктивистского компонентов основана на двух составляющих: а) фундированной инерционной характеристике, связанной с исторически реифицированным комплексом представлений, ценностей, культурных артефактов, социальных диспозиций этнических групп; б) динамическом потенциале конъюнктуры текущего социально-политического момента, связанного с интересами политической и «символьной» элит, статусными позициями этнических групп как в системе социально-экономических отношений, так и в символическом пространстве.

История постсоветской политики идентичности Татарстана свидетельствует об амбивалентности проявления этнического фактора и его мобилизационного потенциала в поле политики в зависимости от результатов национальной политики предшествующего современности советского периода. Его влияние сопряжено с ценностным континуумом этничности для представителей этнических групп (в качестве исторических событий и артефактов), а также с социальными диспозициями этнического «большинства» и «меньшинства», сложившимися под влиянием эпохи модерна, национальной политики государства и взаимодействия групп элит. Несмотря на конструктивистскую природу этничности, реифицирующие ее факторы формируют взаимозависимые отношения между акторами и реципиентами в процессе политической и социальной актуализации этничности.

Список литературы / References

Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б.В., Гриценко, Г.Д. (2020) 'Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности', *Политическая наука*, 3, сс. 74–97. [Avksent'ev, V. A., Aksjumov, B. V., Gricenko, G. D. (2020) 'Ethnicity in political conflicts: the ethnicization of politics and the politicization of ethnicity' [Etnichnost' v politicheskikh konfliktakh: etnizaciya politiki i politizaciya etnichnosti], *Political Science*, 3, pp. 74–97. (In Russ.)].

Ачкасов, В. А. (2005) *Региональная идентичность в российском политическом про-*

странстве: «калининградский казус», [электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/> (дата обращения 15 декабря 2016). [Achkasov, V. A. (2005) 'Regional identity in the Russian political space: "kaliningrad incident"' [Regional'naya identichnost' v rossijskom politicheskom prostranstve: kaliningradskij kazus)], [online]. Available at: <http://www.politex.info/content/view/90/30/> (Accessed: 15th December 2016) (In Russ.)].

Бергер, П., Лукман, Т. (1995) *Социальное конструирование реальности*. Москва: Изд-во «Медиум». [Berggrer, P., Lukman, T. (1995) *The Social Construction of Reality* [Social'noe konstruirovanie real'nosti], Moscow: Publishing house "Medium". (In Russ.)].

¹ Ждем Путина, надеемся на Эрдогана: как высоко взлетит KazanForum? (2023) [Электронный ресурс]. *БИЗНЕС on line*, 20 янв. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/580611> (дата обращения: 20.01.2023).

- Борисова, Н. В. (2013) 'Региональная идентичность как фактор развития российского федерализма (на примере Пермского края)', *К новой модели российского федерализма*, Москва: «Весь мир», с. 207–218. [Borisova, N. V. (2013) 'Regional identity as a factor in the development of Russian federalism (on the example of the Perm territory)' [Regional'naya identichnost' kak faktor razvitiya rossijskogo federalizma (na primere Permskogo kraja)], *Towards a new model of Russian federalism*, Moscow: "The Whole World", p. 207–218. (In Russ.)].
- Бромлей, Ю. В. (1987) *Этносоциальные процессы: теория, история, современность*. Москва: Изд-во: «Наука». [Bromley, S. W. (1987) *Ethnosocial processes: theory, history, modernity* [Ethnosocial'nye processy: teoriya, istoriya, sovremennost']. Moscow: Publishing house: "Nauka". (In Russ.)].
- Бурдьё, П. (2003) 'Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действительности', *Логос*, 4–5, (39), сс. 33–41. [Bourdieu, P. (2003) 'Describe and prescribe. A note on the conditions of possibility and the limits of political effectiveness' [Opisyvat' i predpisyvat'. Zametki ob usloviyakh vozmozhnosti i granicakh politicheskoy dejstvennosti], *Logos*, 4–5, (39), pp. 33–41. (In Russ.)].
- Галлямова, А. Г. (2015) *Татарская АССР в период постсталинизма*. Казань: «Татар. книж. изд-во». [Gallyamova, A. G. (2015) *Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the period of post-Stalinism* [Tatarskaya ASSR v period poststalinizma]. Kazan: "Tatars. Books. Publishing House". (In Russ.)].
- Дробижева, Л. М. (2020) 'Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой', *Россия реформирующаяся*, 18, сс. 202–224. [Drobizheva, L.M. (2020) 'Depoliticization of ethnicity: between the temptation of new theories and social practice', [Depolitizaciya etnicnosti: mezhdru iskusheniyam novymi teoriyami i social'noj praktikoj], *Reforming Russia*, 18, pp. 202–224. (In Russ.)].
- Дробижева, Л. М. (2002) 'Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость' в: *Россия реформирующаяся* / Ред. Л.М. Дробижевой. Москва: Изд-во: «Academia», с. 213–244. [Drobizheva, L.M. (2002) 'Russian and ethnic identity: confrontation or compatibility' [Rossijskaya i etnicheskaya identichnost': protivostoyanie ili sovmestimost'], *Reforming Russia* / Ed. L. M. Drobizheva. Moscow: Publishing house: "Academia", p. 213–244. (In Russ.)].
- Дробижева, Л. М. (2017) 'Этническая идентичность', *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семеновко; ИМЭМО РАН. Москва: Изд-во «Весь Мир», с. 417–418. [Drobizheva, L. M. (2017) 'Ethnic identity', [Etnicheskaya identichnost'], *Identity: Personality, society, politics*. Encyclopedic edition / Ed. I. S. Semenenko; ИМЭМО РАН. Moscow: Publishing house "The Whole World", p. 417–418. (In Russ.)].
- Исхаков, Д. М. (1992) 'Неформальные объединения в современном татарском обществе', *Современные национальные процессы в Республике Татарстан*. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КИЦ РАН, Вып. 1, с. 2–15. [Iskhakov, D.M. (1992) 'Informal associations in modern Tatar society' [Neformal'nye ob'edineniya v sovremennom tatarskom obshestve], *Modern national processes in the Republic of Tatarstan*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named G. Ibragimov KSC RAS, Vol. 1, p. 2–15. (In Russ.)].
- Красовицкая, Т. Ю. (2012) 'Советская национально-культурная политика: организационно-правовой аспект. 1917-1929 годы', *Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1889-х – 1930-е годы)* Сер. «История науки» отв. ред. А.Н. Дмитриев. Москва, с. 632–681. [Krasovitskaya, T.Yu. (2012) 'Soviet national-cultural policy: organizational and legal aspect' [Sovetskaya nacional'no - kul'turnaya politika: organizacionno-pravovoj aspect]. *Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire - the USSR (late 1889th-1930s) years.* / Ed. A. N. Dmitriev, p. 632–681. (In Russ.)].
- Крылов, М. П. (2010) *Региональная идентичность в Европейской России*. Москва: Изд-во: «Новый хронограф». [Krylov, M.P. (2010) *Regional identity in European Russia* [Regional'naya identichnost'

- v Evropejskoj Rossii]. Moscow: Publishing house: "New Chronograph". (In Russ.).
- Малахов, В. С. (1998) 'Вызов национальному государству', *Pro et Contra*, 3 (2), сс. 141–154. [Malakhov, V.S. (1998) 'Challenge to the nation state', [Vyzov nacional'nomu gosudarstvu], *Pro et Contra*, 3 (2), pp. 141–154. (In Russ.).]
- Миненков, Г. Я. (2005) 'Идентичность в политическом измерении', [электронное издание]. URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html> (дата обращения: 15.12.2019). [Minenkov, G.Ya. (2005) 'Identity in the political dimension', [Identichnost' v politicheskom izmerenii], [online], Available at: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html> (Accessed: 15th December 2019), (In Russ.).]
- Малинова, О. Ю. (2012) 'Символическая политика: контуры проблемного поля' *Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. Москва: ИНИОН РАН, с. 5–16. [Malinova, O.Yu. (2012) 'Symbolic politics: contours of the problem field' [Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya], *Symbolic politics. Vol. 1. Construction of ideas about the past as a power resource*. Moscow: INION RAS, p. 5–16. (In Russ.).]
- Малинова О. Ю. (2017) 'Символическая политика', *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. Москва: Изд-во «Весь Мир», с. 655–661. [Malinova O.Yu. (2017) 'Symbolic politics', [Simvolicheskaya politika], *Identity: Personality, society, politics*. Encyclopedic edition / Ed. I.S. Semenenko. IMEMO RAS. Moscow: Publishing house "The Whole World", p. 655–661. (In Russ.).]
- Мухарямов, Н. М. (2012) 'О символических началах в языке политики (прагматический аспект)', *Символическая политика: сборник научных трудов / Центр социальных научно-информационных исследований Отделение политических наук; отв. ред. О. Ю. Малинова*. – Moscow: ИНИОН РАН, с. 54–74. [Mukharyamov, N.M. (2012) 'On symbolic principles in the language of politics (pragmatic aspect)', [O simvolicheskikh nachalakh v yazyke politiki (pragmaticheskij aspekt)], *Symbolic politics: collection of scientific works / Center for Social Scientific Information Research Department of Political Science / Ed. O. Yu. Malinova*. Moscow: INION RAS, p. 54–74. (In Russ.).]
- Мухарямов, Н. М. (2000) 'Республика Татарстан', *Регионы России: хроника и руководители / Ред. К. Мацузато, Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, Т. 7. (Республика Татарстан, Удмуртская республика, Республика Мордовия)*, с. 15–150. [Mukharyamov, N.M. (2000) 'Republic of Tatarstan' [Respublika Tatrstan], *Regions of Russia: chronicle and leaders / Ed. K. Matsuzato*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, Vol. 7. (Republic of Tatarstan, Udmurt Republic, Republic of Mordovia), p. 15–150. (In Russ.).]
- Мухарямов, Н. М. (2012) Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х гг. Глава 1, ИНАБ №6 *Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане*. Москва: Институт социологии РАН, сс. 7–22. [Mukharyamov, N.M. (2012) 'Ethnic factor and politics in the Republic of Tatarstan: trends of the 2000s.', [Etnicheskij faktor i politika v Respublike Tatarstan: tendencii 2000-kh godov], Chapter 1, INAB, 6, *Consolidating identities and modernization resource in Tatarstan*. Moscow: Institute of Sociology RAS, pp. 7–22. (In Russ.).]
- Назукина, М. В. (2009) *Региональная идентичность как категория политической практики*. Автореф. дисс., канд. полит. наук. Пермь: Перм. ГУ. [Nazukina, M.V. (2009) *Regional identity as a category of political practice* [Regional'naya identichnost' kak kategoriya politicheskoi praktiki], Autoref. diss., cand. polit. sci. Perm: Perm. State University. (In Russ.).]
- Назукина, М. В. (2018) 'Маркеры этничности в региональной идентичности республик России', *Регионология*, 26 (4), сс. 698–717. [Nazukina, M.V. (2018) 'Markers of ethnicity in the regional identity of the republics of Russia' [Markery etnichnosti v regional'noj identichnosti respublik Rossii], *Regionalology*, 26 (4), pp. 698–717. (In Russ.).]
- Назукина, М. В. (2020) 'Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ', *Polis. Political Studies*.

- dies*, 3, сс. 78–92. [Nazukina, M.V. (2020) 'Institutionalization of ethnicity in the identity politics of Russian republics: conceptual analysis', [Institucionalizaciya etnichnosti v identichnosti rossijskikh respublik: konceptual'nyj analiz], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 78–92 (In Russ.)].
- Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов (1994) / Ред. Л. М. Дробижева, М. С. Кашуба, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева. Москва: ИЭА РАН. [National identity and nationalism in the Russian Federation in the early 1990s (1994) [Nacionalnoe samosoznanie i nacionalizm v Rossijskoj Federacii nachala 1990-kh godov], / Ed. L.M. Drobizheva, M.S. Kashuba, A.R. Aklaev, V.V. Koroteeva. Moscow: IEA RAS. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2011) *Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка*. Москва: РОССПЭН. [Panov, P.V. (2011) 'Institutions, identities, practices: a theoretical model of political order' [Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo porjadka], Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2021) 'Институционализация этничности в органах власти столичных городов национальных республик РФ', *Современный город: власть, управление, экономика*, 1, сс. 190–201. [Panov, P.V. (2021) 'Institutionalization of ethnicity in the authorities of the capital cities of the national republics of the Russian Federation', [Institucionalizaciya etnichnosti v organakh vlasti stolichnykh gorodov nacional'nykh respublik RF], *Modern city: power, management, economics*, 1, pp. 190–201. (In Russ.)].
- Пантин, В. И., (2011) 'Национально-цивилизационная идентичность: специфика России', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 7 (2), сс. 42–51. [Pantin, V.I., (2011) 'National-civilizational identity: the specifics of Russia' [Nacional'no-civilizacionnaya identichnost': specifika Rossii], *Political expertise: POLITEX*, 7 (2), pp. 42–51. (In Russ.)].
- Перегудов С. П. (2017) 'Российская и гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации', *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семеновко, ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь Мир», с. 163–171. [Peregudov S.P. (2017) 'Russian and civil identity and political nation: problems of formation and consolidation' [Rossijskaya i grazhdanskaya identichnost' i politicheskaya naciya: problemy formirovaniya i konsolidacii], Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic edition / Ed. I. S. Semenenko, ИМЭМО RAS. Moscow: Publishing house "Ves' Mir", p. 163–171. (In Russ.)].
- Поцелуев, С. П. (1999) 'Символическая политика как инсценирование и эстетизация', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 62–68. [Potseluev, S.P. (1999) 'Symbolic politics as staging and aestheticization', [Simvolicheskaya politika kak inscenirovanie i estetizaciya], *Polis. Political studies*, 5, pp. 62–68. (In Russ.)].
- Пушкарева, Г. В. (2017) 'Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 156–173. [Pushkareva, G.V. (2017) 'Ideas and values as a way of constructing the symbolic space of national identity', [Idei i cennosti kak sposob konstruirovaniya simvolicheskogo prostranstva nacional'noj identichnosti], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 156–173. (In Russ.)].
- Сагитова, Л. В. (1998) *Этничность в современном Татарстане*. Казань: Изд-во: «Татполиграф». [Sagitova L.V. (1998) *Ethnicity in modern Tatarstan* [Etnichnost' v sovremennom Tatarstane], Kazan: Publishing house: "Tatpolygraph". (In Russ.)].
- Семеновко, И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В.И. (2017) 'Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 54–78; [Semenenko, I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. (2017) 'Between state and nation: dilemmas of identity politics in the post-Soviet space', [Mezhdu gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve], *Polis. Political studies*, 5, pp. 54–78. (In Russ.)].
- Семеновко, И. С. (2011) 'Введение', И.С. Семеновко, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкин, П.В. Панов. Идентичность как предмет

политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва: ИМЭМО РАН, [Semenenko, I. S. (2011) 'Introduction', [Vvedenie], I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva, V.V. Lapkin, P.V. Raponov. Identity as a subject of political analysis. Collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)].

Семенов, И. С. (2017) 'Политика идентичности', *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь Мир», с. 647-655. [Semenenko, I. S. (2017) 'Identity Politics', [Politika identichnosti], Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic edition / Ed. I.S. Semenenko. IMEMO RAS. Moscow: Publishing house "Ves Mir", p. 647-655. (In Russ.)].

Тишков, В. А. (1997) 'Идентичность и культурные границы', *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*: Сб. статей. / Ред. М.Б. Олкотт, В.А. Тишков, А.Малашенко. Москва: Моск. Центр Карнеги, с. 15–43. [Tishkov, V.A. (1997) 'Identity and cultural boundaries', [Identichnost' i kul'turnye granicy], Identity and conflict in post-Soviet states: Coll. articles. / Ed. M.B. Olcott, V.A. Tishkov, A. Malashenko. Moscow: Mosk. Carnegie Center, p. 15–43. (In Russ.)].

Тишков, В. А. (1997) *Очерки теории и политики этничности в России*. / Ред. В.А. Тишков, Ин-т этнологии и антропологии РАН. Москва: Информ.-изд. агентство "Рус. мир". [Tishkov, V.A. (1997) 'Essays on the theory and politics of ethnicity in Russia'. [Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii], / Ed. V.A. Tishkov, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Moscow: Inform.-ed. agency "Rus. World". (In Russ.)].

Тишков, В. А. (2003) *Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии* / В.А. Тишков, Ин-т этнологии и антропологии Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва: Изд-во: «Наука». [Tishkov, V.A. (2003) Requiem for Ethnicity. Research in socio-cultural anthropology [Rekviem po etnosu. Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii], / V.A. Tishkov, Institute of Ethnology and

Anthropology N.N. Miklouho-Maclay. Moscow: Publishing house: "Nauka". (In Russ.)].

Фадеева, Л. А. (2011) 'Борьба за конструирование региональной идентичности: пермский случай', *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*, 2 (14), сс. 43–51. [Fadeeva L.A. (2011) 'The struggle for the construction of regional identity: the Perm case' [Bor'ba za konstruirovanie regional'noj identichnosti: permskij sluchaj], *Bulletin of Perm University. Series "Political Science"*, 2 (14), pp. 43–51. (In Russ.)].

Фадеева, Л. А. (2016) 'Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал', *Политическая наука*, 2, сс.164–180. [Fadeeva, L.A., (2016) 'Identity as a category of political science: research field and cognitive potential', [Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyj potencial], *Political Science*. 2, pp. 164–180. (In Russ.)].

Фарукшин, М. Х. (1994) 'Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 67–79. [Farukshin, M.Kh. (1994) 'Political elite in Tatarstan: challenges of the time and difficulties of adaptation' [Politicheskaya elita v Tatarstane: vyzovy vremeni i trudnosti adaptatsii], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 67–79. (In Russ.)].

Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества (1994) / Ред.Л.М. Дробизева, Т.С. Гузенкова. Москва: ИЭА РАН. [Values and symbols of national identity in a changing society (1994) [Cennosti i simvoly nacional'nogo samosoznaniya v usloviyakh izmenyajushegosya obsh'estva], / Ed. L.M. Drobizheva, T.S. Guzenkova. Moscow: IEA RAS. (In Russ.)].

Центр и региональные идентичности в России (2003) Сборник статей под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. Санкт-Петербург; Москва: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний Сад. [Center and regional identities in Russia (2003), [Centr i regional'nye identichnosti], Collection of articles, / Ed. V. Gelman and T. Hopf. Saint-Petersburg; Moscow: Euro-

pean University Publishing House in St. Petersburg; Summer Garden. (In Russ.)).

Цумарова, Е. Ю. (2014) Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты: на примере Республики Карелия: автореферат дис. канд. полит. наук: Санкт-Петербург. [Tsumarova, E.Yu. (2014) 'Identity politics in the regions of Russia: theoretical and practical aspects: on the example of the Republic of Karelia' [Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskij i prakticheskij aspekt: na primere Respubliki Kareliya], Autoref. cand. of polit. sc.: St. Petersburg. (In Russ.)].

Статья поступила в редакцию: 28.10.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

Anderson, B. (1983) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Revised Edition. VERSO, London - New York.

Brubaker, R. (1996) *Nationalism Refrained: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Connor, W. (1994) *Ethnonationalism: A quest for understanding*, Princeton.

Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference (1982) / Ed. by Fredrik Barth. Oslo: Universitetsforlaget.

Hobsbawm, E.J. (1990) *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge.

ETHNICITY IN THE IDENTITY POLITICS OF POST-SOVIET TATARSTAN: FROM THE 'PARADE OF SOVEREIGNTIES' TO THE PRAGMATICS OF CULTURAL MANAGEMENT

L. Sagitova

Liliya Sagitova, Doctor of Sc. (Polit. Sc.), Leading Researcher, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

E-mail: liliya_sagitova@mail.ru (ORCID: 0000-0002-6426-6970. Researcher ID: c-7590-2017).

Abstract

The article examines how ethnicity has been institutionalized and interpreted in the identity politics of the Republic of Tatarstan over the past 30 years of its post-Soviet development. The analysis includes a diachronic study of factors in the actualization of ethnicity in different periods of modern Russian history: disintegration (early 1990s) and reintegration (from the 2000s to the present). The analysis of factors that determine changes in the functional component of ethnicity in ethnocultural and ethnopolitical processes within the republic, in the context of national development vectors, provides the research with a new perspective. Focusing on the inertial and dynamic components of the phenomenon allows us to consider their dialectical interaction, as well as its plasticity and situational nature in the context of the dynamics of the political process in modern Russia. The polypardigmatic approach used by the author allows us to identify the foundations of ethnic identification processes in the field of politics in Tatarstan. The analysis reveals the role of regional political and 'symbolic' elites in the context of the dynamics of the political process. The analysis is of practical importance since the ethnic factor has to be taken into account, particularly in times of political turbulence resulting from recent external challenges.

Keywords: ethnicity; identity politics; politicization of ethnicity; institutionalization of ethnicity; political elite; 'symbolic elite'; Republic of Tatarstan